

ХОРКХАЙМЕР (Horkheimer) Макс (1895-1973) - немецкий философ и социолог. Директор Института социальных исследований (1931-1965). В 1934-1949 - в эмиграции в США. Один из авторов программной работы Франкфуртской школы (см.) "Диалектика просвещения" (см.) (в соавторстве с Адорно - 1948).

Основные сочинения: "Штудии о семье и авторитете" (1936), "Традиционная и критическая теория" (1937), "Затмение разума. Критика индустриального разума" (1947), "Исследования предрассудка" (в 5 томах, 1949-1950), "Ностальгия по совершенно Иному" (1961), "Социология" (в соавторстве с Адорно, в 2 томах, 1962), "Критическая теория" (в 2 томах, 1968), "Заметки с 1950 по 1969 и сумерки" (1974) и др.

Придерживаясь благородного принципа идейного противодействия тоталитаризму (см.) в любых его обличьях, опираясь на ценности либерального общества, Х. опасался избыточного усиления механизмов социального контроля также и в рамках современной демократической индустриальной цивилизации (эволюция капитализма от либерализма рыночного типа до монополистического капитализма, всегда чреватого тоталитаризмом, которую проследил и прокомментировал Х., - по его мнению, предоставляла для этого достаточный материал). По Х., эта тенденция неизбежно сковывает свободную инициативу, воспроизводит социальные характеры авторитарных ориентаций и поэтому пагубна для механизмов общественного самообновления.

В контексте этих исследований Х. в известной мере опирался на парадигму марксового типа: законы капитализма, по его убеждению, предполагают фашизм: "Фашистская идеология на манер старой идеологии гармонии маскирует истинную суть: власть меньшинства, владеющего средствами производства. Стремление к прибыли выливается в то, чем всегда было, - в стремление к социальной власти". Задача же философии 20 в., согласно Х., - оказать содействие индивиду в его противодействии тем формам тотальной организации социального бытия, которые оказываются иницированными авторитарными режимами. Развивая учение Фромма (см.) о социальных характерах, Х. обратил особое внимание на статичную и достаточно косную суть этих "сложившихся систем реакций общественного индивида, исполняющих решающую роль в поддержании изживших себя социальных систем". Экспансия бюрократического аппарата во все сферы социального бытия, по Х., была сопряжена с осуществлением на практике идеалов прогресса, заданных еще с 1789: "равный и эквивалентный обмен закончился абсурдом, и этот абсурд есть тоталитарный порядок". По мнению Х., государственный капитализм в версии коммунизма (см.) - всего лишь один из вариантов авторитарного государства.

Массовые организации детища буржуазного строя - пролетариата - по самим принципам своего функционирования не могли перешагнуть рамки централизованного,

бюрократического администрирования. Любые попытки формирования механизмов "рабочего" или какого угодно контроля за госаппаратом снизу результировались исключительно в облике традиционной гонки за прибылью, усугубленной амбициями плановости.

В "Диалектике просвещения" Х. и Адорно уделяют особое внимание метафизике власти, стремящейся как подчинить внешнюю природу, так и обусловить и предзадать репертуары формирования самости индивида в западном обществе. Претензии практически любой власти в 20 в. на оптимизацию и рационализацию социальных отношений, по мнению Х., абсурдны в корне: "Если мы хотим говорить о болезни разума, то не в смысле болезни, поразившей разум на определенном историческом этапе, а как о чем-то неотделимом от природы цивилизованного разума, так, как мы его до сих пор знаем.

Болезнь разума породила жажда человека господствовать над природой". Последняя же вне контекста осмысления ее человеком обрекается на положение цели, эксплуатация которой не предполагает каких-либо пределов. Человек принуждается к функционированию в ипостаси чьего-то инструмента исключительно под флагом лозунга индустриального освоения и покорения окружающей среды. Человек становится средством для достижения этой цели. Он вынуждается к деформации подлинных человеческих устремлений: "...с рождения человек только и слышит о том, что успеха можно достичь лишь посредством самоограничения.

Спасти, таким образом, возможно лишь древним способом выживания - мимикрией". Востребуется лишь мышление, готовое обслуживать исключительно эгоистические групповые интересы властвующих структур. "Придворные" мыслители аргументируют и пропагандируют идеи унифицирующего облика жизни, в котором господствует глобальная стандартизация, обожествляется производство, минимизируется свободное, личное время индивида. Разум в условиях индустриальной организации общества, по мнению Х., не может трактоваться как характеристика, внутренне присущая реальности.

Его задача сводится к "способности калькулировать вероятность и координировать выбранные средства с предзаданной целью, мышление же теперь призвано служить какой угодно цели - порочной или благой. Оно - инструмент всех социальных действий, устанавливать нормы социальной или частной жизни ему не дано, ибо нормы установлены другими... Все решает "система" - власть...

Разум совершенно поработен социальным процессом. Единственным критерием стала инструментальная ценность, функция которой - господство над людьми и природой".

Единственной неотчужденной формой интеллектуализма в таких условиях, по мнению Х., способно выступить "критическое мышление", которое, ослабляя в обществе "универсальную связь ослепления", сохраняет таким образом и значимый политический потенциал.

Х. подчеркивал, что построение конкретного образа "светлой общественной перспективы" не осуществимо: "цель, которую критическое мышление стремится достигнуть - разумное состояние - коренится... в бедственном состоянии современного общества. Однако с этим бедственным состоянием еще не дан образ его преодоления". Абстрактная идея эмансипированного общества тем не менее содержит в себе, по мысли Х., нормативный потенциал, значимый в любом диапазоне изменений наличной социальной ситуации. Главное в этом контексте - установить и творчески воспроизводить нормативные ориентиры критики современности. Главной же целью критической теории оказывается, согласно Х., не только "умножение знания", но и "эмансипация человека из порабощающих отношений". Философия у Х. отличается от науки (особенно от социальной) тем, что не имеет социального заказа по параметру диапазона собственного проблемного поля, либо по масштабам и по глубине получаемых выводов: ее роль всегда - в оригинальном, нонконформистском прочтении и интерпретации схем наличного, традиционного бытия - в оппозиции ему.

Х. не скрывал, что его ранние симпатии к марксизму были обусловлены потенциальной угрозой национал-социализма. В итоге, по Х., выяснилось, что социальное положение пролетариата оказалось возможным улучшить и без революции, а всеобщий интерес оказался далеко не идеальным стимулом для общественных перемен. Надежда, по Х., может быть продиктована и обусловлена лишь осознанием того факта, что все люди "страдают и умирают". Х. полагал, что теология 20 в. может продуктивно интерпретироваться лишь в том смысле, что несмотря на характерную для мира несправедливость, она не сможет утвердиться в качестве заключительного аккорда:

"Задача философии - перевести все это на язык слов, чтобы люди смогли услышать голоса, превращенные тиранией в молчание". См. также: "Диалектика Просвещения" (Хоркхаймер, Адорно).

А.А. Грицанов